

Институционально-хозяйственные факторы развития России

© 2011 Е.В. Королюк

кандидат экономических наук, доцент

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: lenkor@bk.ru

В статье обосновано, что для перспективной конфигурации экономической политики, предполагающей активное участие интегрированных субъектов, необходимы качественно новые механизмы и институты, в том числе: широкая общественная экспертиза стратегически ориентированных проектов, общественные палаты на всех уровнях организации социально-экономических отношений, территориальные и местные референдумы и др.

Ключевые слова: развитие России, интеллектуально-хозяйственные факторы, интегрированные субъекты, экономическая политика.

Восстановительный рост в экономике России после глобального финансового кризиса обуславливает естественную активизацию научного интереса к экономической политике. Глубокая рецессия обозначила потребность в существенной коррекции курса, которым следовала национальная экономика. Происходит смена детерминантов экономической политики и переоценка тех принципов, которые лежали в ее основании на протяжении завершающегося этапа развития.

Новые детерминанты формируются во взаимодействии коренных институтов хозяйственной жизни России, прошедших через многие преобразования, и двух доминирующих тенденций современного этапа мирового хозяйственного развития:

- становления качественно новой системы “экономики, основанной на знаниях”, в которой приоритетные позиции занимают человеческий капитал и инновационные нематериальные активы¹;
- глобальной интеграции всех национальных, территориальных и отраслевых рынков, экономических субъектов всех рангов и способов организации в состав единого мирового хозяйства.

Раскроем некоторые результаты указанного взаимодействия.

Изменение характера рентной стратегической ориентации развития экономики России. Развитие современной России опирается на механизм извлечения природной ренты. Это обусловлено господством института государственной власти над институтом собственности, слабостью конкурентных сил во внутренней среде национальной экономики и способом организации огромного хозяйственного пространства.

Поскольку экономическая система построена на контроле над территорией (тип “экономи-

ки пространства”), постольку и она сама, и субъекты ее внутренней среды объективно ориентированы на добычу, первичную переработку и продажу ресурсов своей природной кладовой². Уже в первой половине XIX в. Россия стала крупнейшим экспортером товаров-носителей ренты: леса, руд металлов, зерна, мехов и др. В дальнейшем строительство сети железных дорог и развитие национальной промышленности, с одной стороны, опирались на рентные доходы, а с другой стороны, были ориентированы на поддержку и усиление потоков этих доходов. Так сложилась прочная институционально-хозяйственная система, обладающая рентной стратегической ориентацией развития.

В советский период рентная ориентация развития России приобрела иную - планово-централизованную - форму. В процессе рыночных преобразований 90-х гг. XX в. накопленный в советский период индустриальный капитал был обесценен, а основы извлечения промышленной ренты разрушены. Россия пережила подлинную деиндустриализацию, от которой пострадали практически все отрасли хозяйства и территории.

Вместо диалектического отрицания - разрушение, вместо нового витка спирали прогресса - откат назад, в том числе откат к эксплуатации своей ресурсной кладовой и извлечению природной ренты. Такие итоги рыночных преобразований обусловили главную проблему политики инновационной модернизации - отсутствие опоры, невозможность обеспечения эволюционной преемственности. Инновациям в экономике современной России практически негде формироваться.

Вместе с тем рентная стратегическая ориентация развития осталась, но претерпела редукцию, поскольку произошел переход от промышленной формы ренты к ее сырьевой форме. Как расценивать такое изменение с позиций эволю-

ционной экономической теории? Ответ однозначен - как движение назад, регресс, потерю ранее завоеванных позиций.

Известно, что доходы государственного бюджета и национальные резервные фонды России формируются в основном за счет рентных доходов от добычи и экспорта нефти, газа, древесины, цемента, леса, металлических руд и т.п. Всемирный банк в своем докладе об экономике России (2008) пришел к выводу о четкой корреляции между ценой на сырую нефть марки Brent и параметрами внешнеторгового баланса страны. Приведенная зависимость лежит в основании антикризисной стратегии, которая реализуется в экономической политике страны в условиях выхода из современного глобального кризиса - стратегии ожидания возврата высоких цен на нефть³. Даже при благоприятной конъюнктуре мирового рынка такая стратегия может привести лишь к таким результатам, которые отчуждены от перспективы и не обладают механизмами закрепления.

Следует отметить, что благодаря резкому повышению мировых цен на продовольствие отечественный перечень “рентных товаров” вскоре может быть дополнен аграрными продуктами с низкой степенью переработки. Такое дополнение соответствует традиционной ориентации российского хозяйства при царской власти, но ничего не меняет принципиально.

Рента, в отличие от прибыли, не “зарабатывается” в процессе конкурентного взаимодействия, а извлекается, благодаря занятой рыночной позиции. Она избыточна по отношению к базовым потребностям функционирования и развития воспроизводства, обеспечивая следующие направления экономической политики:

- создание различного рода финансовых резервов; известно, что в современной России рентные доходы от добычи и продажи нефти и газа позволили сформировать национальные резервы, достаточные для покрытия кризисного дефицита государственного бюджета на протяжении нескольких лет;
- “демонстративное потребление” владельцев капитала, приносящего природную ренту; благодаря именно этой форме “канализации” рентных доходов о современной России узнал весь остальной мир;
- социальные программы, формируемые за счет частичного налогового изъятия рентных доходов; в современной России конкретными формами реализации таких программ стали затратные национальные проекты.

Изменение характера рентной стратегической ориентации развития экономики России, необходимое для обеспечения ее глобальной конкурен-

тоспособности в условиях становления “экономики, основанной на знаниях”, означает преимущественное использование рентных доходов от добычи, первичной переработки и продажи природных ресурсов в целях расширенного воспроизводства человеческого капитала. Но для такого поистине революционного поворота необходима, прежде всего, политическая воля находящихся у власти сторонников подлинной, а не лозунговой модернизации России.

Структурная реорганизация хозяйственного пространства. Сугубо пространственные факторы организации экономики России - общая конфигурация, способ пространственной организации хозяйственной системы, характер межрегионального взаимодействия - имеют в ней огромное значение. Соответствующие институты укоренены и активно сопротивляются попыткам замены их на “классические” институты рыночной экономики, опровергая иллюзии радикального преобразования хозяйственной структуры за 10-15 лет.

В данном отношении один из важнейших уроков рыночных преобразований в России заключается в том, что реформаторам, какие бы идеи они ни отстаивали, необходимо, прежде всего, понять институциональную организацию ее хозяйственной системы, сложившейся в огромном пространстве, а также избавиться от поверхностного отрицания всего того, что не вписывается в принятую реформационную доктрину.

Г. Мюрдаль, исследовавший попытки модернизации институтов азиатского общества на западноевропейский лад, пришел к выводу о том, что нельзя преобразовать общество, внедрить в него современную технологию, не затрагивая при этом обычаев, традиций, отношения людей к работе, устойчивых социальных стандартов, игнорируя проблему формирования новой дисциплины и выносливости. Простое изменение отношения к труду предполагает радикальное изменение общественных институтов⁴. А изменение институтов, в свою очередь, предполагает соответствующее продолжительное (выходящее за рамки одного поколения) изменение параметров общей среды, контрактных соглашений и форм поведения людей.

Отношение к типу “экономики пространства” означает, прежде всего, приоритет рациональной организации самого хозяйственного пространства, огромную ценность его внутреннего институционального упорядочения и структуризации. При этом каждый шаг такой структуризации должен обеспечивать дополнительные конкурентные преимущества уже существующим или

вновь возникающим территориальным экономическим системам.

В территориальной организации современной России административная форма явно доминирует над социально-экономическим содержанием всех существующих элементов. Политика государства здесь ориентирована на потребности вертикали власти. Результатом такой ориентации может стать потеря прежних и отчуждение от качественно новых конкурентных преимуществ, т.е. ухудшение позиций в глобальной конкуренции.

Структурная реорганизация хозяйственного пространства призвана обеспечить необходимый уровень глобальной конкурентоспособности. Любая новация здесь оправдана лишь в той мере, в какой она формирует новые конкурентные преимущества в тех или иных уровнях организации хозяйственных отношений. В данном отношении для экономической политики России перспективны “наукограды”, опирающиеся на еще не растроченный потенциал крупных университетских центров, а также субрегиональные локализации наиболее ценных ресурсов и факторов хозяйственного процесса, способные стать “ядрами” развития существующих регионов-субъектов страны.

Расширение состава субъектов экономической политики за счет включения качественно новых интегрированных субъектов. Завершившаяся индустриальная эпоха продемонстрировала, что “экономический индивид”, вошедший в оборот научного анализа и практики со времен А. Смита, стал недостаточен для отражения и понимания многих субъектных форм хозяйственной жизни современного мира. Постиндустриальный мир лишь возвысил эту тенденцию, создав сложнейшие сетевые формы системных, интегрированных субъектов, по отношению к которым “экономический индивид” – элементарная частица разветвленной структуры.

Интегрированный субъект соответствует системной парадигме современной экономической науки и отражает живые формы организации хозяйственных отношений, обладающие устойчивыми потребностями, интересами, механизмами адаптации и, что самое главное, потенциалом саморазвития. Например, корпорация как интегрированный субъект обладает собственным капиталом, потребностями в материальных и нематериальных ресурсах, ответственностью перед своими участниками, механизмом адаптации к изменениям в рыночной среде, а также способностью продуцировать инициативы и инновации, которые принципиально изменяют рынок.

Экономическая система страны представляет собой одну из наиболее сложных форм орга-

низации интегрированного субъекта хозяйственных отношений, в которую встроена мощная вертикаль государственной власти. Но и на этом эволюционный процесс не останавливается, порождая производные формы интегрированных субъектов:

- во внутренней среде национального хозяйства – отмеченные выше территориальные системы;
- во внешней среде мирового хозяйства – метасистемы, включающие в себя международные экономические организации, ТНК, союзы и интеграционные объединения национальных хозяйств.

Поскольку интегрированные субъекты формируют в своей внутренней среде определенную иерархию устойчивых отношений, к ним применима современная теория контрактов. Исследуя институциональные результаты эволюции рыночных сделок, О. Уильямсон пришел к следующим взаимосвязанным выводам:

- в процессе развития рынка безликая контрактация уступает дорогу двусторонней контрактации, в которой складываются устойчивые пары контрагентов, происходит устойчивая спецификация активов и “притирание” друг к другу субъектов постоянно воспроизводящихся контрактных отношений;
- в свою очередь, двусторонняя специфицированная контрактация во многих случаях уступает дорогу внутренней организации отношений, обладающей иерархией и способностью “разрешения проблем”, встающих перед субъектами рыночных сделок⁵.

Следует отметить, что в основе указанных преобразований лежат потребности самих участников рыночных сделок в упорядочении своих отношений и снижении рисков. Во всех случаях, когда их активы становятся специфическими, т.е. “притираются” друг к другу, формируют устойчивые и эффективные комбинации, возрастает степень неопределенности. Соответственно, возрастает потребность в формировании участниками хозяйственных отношений специального механизма “разрешения проблем”, т.е. потребность в особом системном – интегрированном – субъекте, обладающем внутренней иерархией, собственностью и потенциалом саморазвития. Но такие субъекты претендуют на определенную форму участия в упорядочении и развитии внешней среды своего существования, и их претензии невозможно оставить без внимания.

За последние годы в мировом хозяйственном пространстве рядом с прежним “всемогущим” институтом государственной власти возникли многообразные формы интегрированных субъектов: мощные холдинги и малые хозяйственные организации, территориальные экономичес-

кие системы и местные хозяйства, международные экономические объединения и некоммерческие организации. Россия не осталась в стороне от указанного преобразовательного процесса.

Единство многообразия таких форм интегрированных субъектов заключается в наличии значительного потенциала участия в эволюции, что предполагает включение данных интегрированных субъектов в процесс формирования и реализации экономической политики. Нарастающая региональная поляризация, хронический дефицит собственных финансово-инвестиционных ресурсов, феномен “экономики физических лиц” - эти и многие другие проявления свидетельствуют о том, что потребности и потенциал развития интегрированных субъектов остаются вне институционального поля экономической политики⁶.

Налицо острая потребность в перемене, которую правомерно определить, как “разгосударствление” экономической политики, переход от традиционного для России государственного монолога к многоголосию, где голос государства остается ведущим, но уже не подавляет остальные голоса. Такая перемена изменит не только состав субъектов, но и конфигурацию экономической политики.

Для перспективной конфигурации экономической политики, предполагающей активное уча-

стие интегрированных субъектов, необходимы качественно новые механизмы и институты, в том числе: широкая общественная экспертиза стратегически ориентированных проектов, общественные палаты на всех уровнях организации социально-экономических отношений, территориальные и местные референдумы и др.⁷

¹ Эдвинсон Л. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях. М., 2005.

² Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV - XVIII вв. М., 1992.

³ Доклад об экономике России / Внешнеэкономический сектор, торговый баланс. URL: <http://www.worldbank.org.ru>.

⁴ Мюрдаль Г. Современные проблемы “третьего мира” (Asian Drama). М., 1972.

⁵ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

⁶ Дзарасов Р.С., Новоженев Д.М. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопр. философии. 1989. □ 3. С. 128-156.

Поступила в редакцию 06.04.2011 г.